

ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ И НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Михаил Викторович Грибовский

доктор исторических наук,
профессор кафедры российской истории Национального
исследовательского Томского государственного университета,
Томск, Россия;
ведущий научный сотрудник Центра истории
русской науки и научно-технологического развития
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: mgrib@mail2000.ru

«Вторая половина рабочего дня»: проблема участия преподавателей советских вузов в научно-исследовательской деятельности

УДК: 93/94

DOI: 10.24412/2079-0910-2024-3-89-106

Своеобразие советской научно-образовательной модели заключалось в том, что высшим учебным заведениям отводилась в первую очередь роль генерации кадров, а проведение научных исследований понималось как неглавный приоритет. Вместе с тем от ассистентов, доцентов, профессоров систематически требовалась демонстрация научных достижений. Эта установка сложится в середине 1930-х гг. и будет оставаться неизменной весь советский период. В статье на основе как нормативной документации, так и материалов, извлеченных из архивов (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив новейшей истории, Российский государственный архив социально-политической истории), дана характеристика условий научной деятельности профессорско-преподавательского состава вузов в советское время с точки зрения стимулов и барьеров для занятия наукой в вузе, приведены оценки представителей партийных, советских руководящих органов и вузовской общественности об организации научной работы, об уровне вовлеченности в нее профессоров и преподавателей. Показана волнообразная трансформация подходов к вузовской науке: от значительного редуцирования в первые послереволюционные десятилетия через тотальность установок на обязательность научной деятельности, характеризующих 1930–1940-е гг., к более гибкому, взвешенному подходу начиная с 1950–1960-х гг. Предлагается авторская трактовка существовавшей университетской модели и ее связи с современным российским

университетом. Установлено, что разрабатываемые с конца 1950-х гг. подходы и механизмы по оптимизации научной деятельности в вузе — элементы индивидуализации, практика сокращения учебной нагрузки преподавателей, активно работающих в науке, — созвучны идеям XXI в.

Ключевые слова: вуз, университет, профессор, научно-исследовательская деятельность, кафедра, лаборатория, НИИ.

Постановка проблемы

Идея взаимоувязанности науки и образования считается одним из базовых принципов классической гумбольдтовской модели высшей школы. Несмотря на то что сама модель не во всем соответствует реалиям массового университета второй половины XX — начала XXI в., именно этот ее элемент и сегодня зачастую понимается как должное.

XX век, с его социальными и политическими перипетиями, привносил в отечественную высшую школу (особенно в 1920–1930-е гг.) глубокие перемены, в том числе ставившие под сомнение место исследовательской роли в деятельности университета. Хотя эксперименты первых революционных десятилетий завершились к концу 1930-х гг. реставрацией многих компонентов дореволюционной университетской модели, поиск оптимального сочетания преподавательских и исследовательских функций профессорско-преподавательского состава, вовлечение преподавателей советских вузов в научно-исследовательскую деятельность составляло предмет неизменного беспокойства со стороны заинтересованных институций на протяжении последующих десятилетий. Именно на эту проблему, не утратившую актуальности в современности, направлен фокус настоящего исследования.

К названной проблеме начинали обращаться еще советские социологи-наукovedы, подходя к ней либо с точки зрения изучения бюджета времени [Фомин, 1967; Лапшин, Годионенко, 1975], либо шире — через тематику научной организации труда [Лапшин, Годионенко, 1973].

В современной историографии проблема, с одной стороны, затрагивается через локальные сюжеты [Шпикельман, 2016], либо через анализ научной политики [Армашова и др., 2022]. В коллективной монографии «Наука большой страны: советский опыт управления» (М., 2023) автор настоящей статьи уже обращался к теме «второй половины рабочего дня», но тогда это было лишь одним из многочисленных сюжетов главы, посвященной организации исследований в советском вузе [Наука..., 2023]. Настоящая статья призвана шире раскрыть эту сторону вузовской жизни, вписав ее в более общий контекст эволюции университетской модели.

Особо подчеркнем, что по отношению к современной высшей школе названная проблематика исследователями поднимается весьма активно, внимание вновь уделяется бюджету времени [Груздев, Терентьев, 2015; Абрамов и др., 2017; Кудяев, 2020], структуре занятости в академической сфере [Шляков, 2019; Лобова, 2019]. Этот современный интерес дополнительно актуализирует анализ состояния проблемы в не столь далеком советском прошлом, излет которого застала и часть действующих вузовских сотруddников.

Моделирование советского университета: в поисках места науки

Если в дореволюционной России именно университеты можно было отнести к главным акторам отечественной науки, то в первые советские десятилетия возможность проведения масштабных научных исследований в вузе ставилась под сомнение. Аргументом служила мысль о том, что направления исследований в высшей школе укладываются в рамки преподаваемых дисциплин, поэтому строятся в соответствии не столько со структурой знания, сколько с планом преподаваемых курсов, то есть подчинены учебному процессу и обусловлены им. Центр тяжести советской науки начинал смещаться в сторону более специализированных учреждений Академии наук и отраслевых НИИ.

С конца 1920-х гг. логика развития высшей школы оказалась тесно переплетена с процессом индустриализации, что способствовало трансформации системы высшего образования в направлении разделения по отраслевому принципу, то есть подчинению отраслевым (преимущественно промышленным) народным комиссариатам. Самой пострадавшей частью высшей школы в процессе отраслизации стали классические университеты, которые подверглись «разукрупнению», лишившись ряда факультетов и кафедр, становившихся базами для вновь образованных отраслевых учебных институтов.

В новой системе координат вузы мыслились частью крупных индустриальных комплексов, подчиненной их кадровым и прикладным задачам: «ВУЗы должны готовить работников для практической деятельности, для производства в широком смысле слова, во всех его отраслях. Все построение преподавания и вся жизнь ВУЗа должна связываться с практикой возможно ближе», — подчеркивалось еще в 1925 г. на заседании комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) по вузам¹. При таком подходе университеты и институты как полноценные созидатели нового фундаментального знания не рассматривались, а проводимые в их стенах исследовательские работы, скорее, были призваны носить прикладной характер.

Влияние отраслизации высшей школы на вузовскую науку является предметом дискуссий. Наркоматы (позднее министерства), в ведении которых находились вузы, имели в подчинении и собственные научно-исследовательские институты и зачастую именно им (а не вузовским кафедрам и лабораториям) отдавали предпочтение при распределении научных заказов. На это, в частности указывалось в докладе Казанского химико-технологического института на совещании по научно-исследовательской работе вузов народного комиссариата тяжелой промышленности (1937): «...Главки (Главные управления учебных заведений — структурные подразделения наркоматов, через которые осуществлялось руководство вузами. — Прим. М.Г.), несмотря на постановление ЦК ВКП(б) и СНК 22 июня 1936 г., продолжают рассматривать ВТУЗы в качестве бедных родственников и полагают, что они должны заботиться только о “своих” НИИ»². Делалось предложение: «Обязать Главки, для которых втуз готовит кадры, рассматривать лаборатории Института как “свои” ячейки», которые они обязаны загрузить научной работой»³.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 738. Л. 35.

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 544. Л. 31.

³ Там же. Л. 33.

Продолжением того же феномена ведомственности была весьма распространенная ситуация, когда промышленные предприятия определенной отрасли были склонны поручать хозяйственные работы исследовательским учреждениям той отрасли, которой сами принадлежали, а не вузам. Так, в 1955 г. начальник технического управления Министерства бумажной и деревообрабатывающей промышленности М. Сердюков сообщал заместителю заведующего Отделом науки и культуры ЦК КПСС М.Д. Яковлеву, что названное министерство в работе «опирается в основном на свои отраслевые научно-исследовательские институты, так как учебные институты работают по заданию промышленности только при условии оплаты за проведенную работу. В связи с крайней ограниченностью средств, выделяемых Министерством финансов СССР для оплаты договоров с организациями других ведомств, работы с НИСами вузов проводятся в небольшом объеме»⁴. Иными словами, вузовским разработкам путь на производство часто оказывался перекрыт отраслевыми НИИ, которые, по выражению Г.А. Лахтина, создавали «сплошной фронт научного сопровождения производства, не оставляющий просветов, через которые пробивались бы разработки и изобретения со стороны» [Лахтин, 1990, с. 79]. Отраслевым НИИ, как правило, доставались от промышленности крупномасштабные многолетние задания по проведению научно-исследовательских работ, а вузы могли рассчитывать на заказы лишь по остаточному принципу.

Два вышеприведенных примера демонстрируют негативные эффекты от ведомственной отраслеизации для вузовской науки. Однако реальная картина, очевидно, была сложнее и могла отличаться по разным отраслям.

В послевоенный период, когда на базе ВКВШ было создано Министерство высшего образования СССР (1946), значительное число прежде отраслевых вузов было передано в ведение нового министерства. Отраслевой принцип управления высшей школой заметно ослаб, но не исчез вовсе («свои» вузы остались у министерств путей сообщения, сельского хозяйства, здравоохранения, просвещения, культуры и ряда других ведомств).

Изменившаяся ситуация выявила случаи, противоположные приведенным ранее, то есть ухудшение условий для проведения научно-исследовательской работы в вузе вследствие перехода из подчинения профильному министерству — в Министерство высшего образования.

В 1955 г. секретарь партбюро Московского авиационного технологического института от имени трудового коллектива обратился в ЦК КПСС с просьбой вернуть вуз в отраслевое подчинение. Время, когда авиационные вузы были в системе Министерства авиационной промышленности (1929–1946), автор обращения называл периодом роста и расцвета. С переходом в Министерство высшего образования положение авиационных институтов резко ухудшилось, что сказалось на оснащении лабораторий и кабинетов. В обращении отмечалось: «Главснаб МВО не имеет в своей номенклатуре специфического оборудования и материалов для авиационных институтов и не в состоянии обеспечить надлежащее снабжение. <...> Работники вузов перестали быть органически связаны с авиационной промышленностью, их не привлекали к разработке проблемных вопросов. <...> Связь с промышленностью делалась все более затрунительной. В отдельных случаях, чтобы попасть на завод

⁴ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 13. Л. 85.

или ОКБ, требовалось разрешение Министра авиационной промышленности или, по крайней мере, его заместителя. Информационные материалы МАП стали поступать в вуз в ограниченном количестве, причем наиболее актуальные материалы в вузы не рассылались <...>. В результате тематика исследовательских работ становится менее актуальной, менее отвечающей запросам промышленности и перспективам ее развития, становится случайной, не связанной с общим планом развития авиационной промышленности»⁵.

Несмотря на признание ряда текущих недостатков, позиция Министерства высшего образования и ЦК была выражена следующим образом: «Опыт подчинения института промышленным министерствам показывает, что работа их неправильно направлялась на выполнение только узковедомственных задач. После передачи институтов в ведение Министерства высшего образования создалась возможность развивать их, привлекать для работы ученых родственных отраслей науки и техники и этим улучшить подготовку инженеров. Кроме того, при наличии в институтах ученых по различным специальностям представляется возможным выполнять более глубокие комплексные научные исследования»⁶. Такой подход стал преобладающим в зрелое и позднее советское время.

Вопрос о том, где были лучше условия для занятия наукой: в ведомственных вузах или вузах, подчиненных Министерству высшего образования (в 1959–1988 гг. союзно-республиканское Министерство высшего и среднего специального образования), остается открытым и заслуживает дальнейшего изучения, но во всяком случае можно говорить о том, что ситуация различалась от ведомства к ведомству.

Характерные для ранних советских десятилетий установки о выводе серьезной науки из вузов остались в прошлом. Начиная с середины 1930-х гг. в серии правительственных и партийных постановлений неизменно подчеркивалась исключительная важность научной работы в высшей школе.

В постановлении СНК и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», упомянутом в вышеприведенной цитате, декларировалось, что «без научно-исследовательской работы не может осуществляться высшими учебными заведениями подготовка специалистов на уровне требований современной науки»⁷.

В архивных документах отложилась реакция на это постановление, звучавшая на упомянутом совещании по научно-исследовательской работе вузов народного комиссариата тяжелой промышленности (1937). В докладе руководства Московского института химического машиностроения читаем: «До постановления Партии и Правительства НИР не находилась на достаточной высоте, так как в отдельных случаях она сводилась к выполнению ряда работ, не имевших прямого отношения к общей научной работе коллектива Института. После реорганизации была установлена общая линия проведения научной работы в Институте, которой должны

⁵ Там же. Л. 61–64.

⁶ Там же. Л. 66.

⁷ Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов за 50 лет: В 5 т. Т. 2: 1929–1940 гг. М.: Политиздат, 1967. С. 597.

были подчиняться все работы кафедр, как специальных, так и общеинженерных»⁸. Разумеется, нет основания принимать на веру эти заверения, представленные в довольно панегирической интонации, но мы можем фиксировать корректировку приоритетов в деятельности высшей школы, которая перестала трактоваться только как место воспроизводства кадров.

С этого времени в руководящих документах подчеркивалось, как велика доля высококвалифицированных кадров, сосредоточенных в вузах, и что их следует шире задействовать в практической научной работе.

Так, в объяснительной записке к Положению о научно-исследовательской работе в вузах СССР (1941) приводились расчеты, согласно которым вузы имели на 61% больше научных работников и на 134% больше профессоров, чем все научно-исследовательские учреждения страны, и, если принять то, что вузовские сотрудники нагружены исследовательской деятельностью на 40% рабочего времени, то все ассистенты, доценты и профессора окажутся соразмерны персоналу одной тысячи средних научно-исследовательских учреждений. Из таких расчетов следовало, что научные работники вузов могли бы обеспечивать 40% всей выполнявшейся в СССР научно-исследовательской работы⁹.

Аналогичный аргумент звучал и после войны. В письме на имя Г.М. Маленкова (1946) за подписями С.В. Кафтанова, Н.К. Байбакова, П.Ф. Ломако и других крупных администраторов подчеркивалось, что в высших учебных заведениях работают более 5 тысяч докторов наук и профессоров и свыше 12 тысяч доцентов и кандидатов наук и что эта «большая армия ученых» должна быть непременно привлечена к разрешению научных и технических проблем, связанных с осуществлением четвертого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР¹⁰.

Таким образом, с середины 1930-х гг. действовали официальные установки на максимально широкое вовлечение профессорско-преподавательского состава вузов в научно-исследовательскую работу. Такая работа могла осуществляться непосредственно на кафедрах или в вузовских лабораториях и научно-исследовательских институтах, а с точки зрения финансирования делилась на госбюджетную и хоздоговорную (по заказу организаций и предприятий). Однако названные установки и официальная риторика не всегда принимали в расчет реалии условий и особенностей труда вузовских работников.

Бюджет рабочего времени

В 1930-е гг. в ходе реформирования высшей школы на повестке дня оказалась проблема распределения времени как студентов, так и преподавателей вузов. Постановление ЦК ВКП(б) «Об упорядочении общественных нагрузок студентов вузов, втузов и техникумов» (1933) ограничило четырьмя часами в неделю привлечение учащихся к выполнению тех или иных общественных поручений¹¹. Впрочем, еще

⁸ ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 1 Д. 544. Л. 14.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 2. Д. 595. Л. 11.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-9396. Оп. 9. Д. 3. Л. 81.

¹¹ Ленинградский университет. 1933. 19 сентября.

в 1936 г. заведующий отделом науки московского горкома ВКП(б) Э.Я. Кольман в письме, адресованном Сталину, утверждал, что «оно сплошь нарушается»¹².

Во второй половине десятилетия был довольно радикально пересмотрен подход к учету рабочего времени вузовских преподавателей.

При введении штатно-окладной системы (1937) предусматривалось, что каждый вузовский преподаватель должен исполнять служебные обязанности в течение пяти часов в день. В 1940 г. норма была увеличена до шести часов в день. Служебные обязанности преподавателя складывались из учебной, научной и методической работы. Соотношение учебной и неучебной нагрузки находилось в зависимости от должности. Заведующий кафедрой из шести часов на учебный процесс должен был затрачивать 2,5–3 часа в день, что соответствовало 640–770 часам в год, профессор — 2,75–3,35 часа в день (700–835 в год), доцент, ассистент и преподаватель — по 3–3,5 часа в день (770–900 в год). Оставшееся от шести часов время получило в советском канцелярите наименование «вторая половина рабочего дня» (точнее, более половины у заведующих кафедрами и профессоров и менее половины у прочих сотрудников кафедр). Эту-то «вторую половину» преподавателям и следовало направлять на научную и методическую работу¹³.

Плановая социалистическая экономика, частью которой была и система образования, предполагала внимание к учету и контролю. Однако если учебную нагрузку подсчитать и проконтролировать ее выполнение было несложно, то со «второй половиной» дело обстояло иначе.

Судя по многочисленным документальным источникам, власти и научно-педагогические работники довольно радикально расходились в оценке того, насколько эффективно используется рабочее время сотрудниками вузов. Если первые исходили из того, что занятие научной работой уже обеспечено заработной платой и поэтому выдавать научный продукт — обязанность каждого сотрудника, то вторые указывали на три главных обстоятельства, сокращавшие их возможности уделить внимание и время научной работе: большая учебная нагрузка, общественные поручения и обширное делопроизводство («бумажная работа»).

Любопытная дискуссия об условиях выполнения научной работы в вузе и о том, сколько времени сотрудников она занимает, развернулась на совещании, которое проводилось в Днепропетровске при обкоме Союза работников высшей школы (18 февраля 1941 г.).

Академик АН УССР А.Н. Динник, объясняя, почему вузы по-прежнему подходят к науке как к делу не первой важности, передавал соображения одного неназванного директора московского института, который, с его слов, рассуждал так: «...если я не выполню учебный процесс, мне намылят шею, а если не выполнена научно-исследовательская работа — это неважно»¹⁴.

Академик А.И. Бродский, директор Института физической химии АН УССР, профессор Днепропетровского химико-технологического института, весьма откровенно признавал, что утверждения о занятости профессорско-преподавательского состава три часа в день преподаванием, а остальные три часа научной работой явля-

¹² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 144. Л. 29.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 24. Д. 3335. Л. 43–44.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 2. Д. 593. Л. 20.

ются «чистейшей фикцией, обманом», и предлагал расставить точки над «i» в этом вопросе¹⁵.

Заместитель директора Днепропетровского металлургического института профессор А.Д. Готлиб произвел расчеты и установил, что с точки зрения выделяемых на науку госбюджетных сумм в среднем на одного работника приходится 50 руб. в месяц¹⁶ — «по нашему втузу, который в системе нашего наркомата лучше всех справляется с научно-исследовательской работой <...>. Можете себе представить, какое положение во всех остальных втузах». Именно недостатком финансирования профессор А.Д. Готлиб объяснял проблему с вовлечением в науку полного состава научно-педагогических работников вуза: «Совершенно ясно, что обеспечить научный рост наших научных сотрудников, заполнить те 3–4 часа, которые имеются в их распоряжении для научной работы после работы со студентами, почти невозможно, потому что очень мало денег».

Как поступали вузы в ситуации дефицита госбюджетного финансирования науки? Ответ на этот вопрос дает профессор А.Д. Готлиб: «По нашему институту все деньги в этом году были распределены таким образом, что могли обеспечить только наших диссертантов. Следовательно, все остальные, кто в 1941 г. диссертации не защищает, они средства не получали на ведение госбюджетных работ». Подчеркнем, что это не являлось частным случаем одного конкретного вуза, а характеризовало общий подход, типичный для системы, когда бюджетные средства, поступающие на проведение научных исследований, направлялись вузами именно на подготовку сотрудниками кандидатских и докторских диссертаций [*Наука...*, 2023, с. 337].

При этом А.Д. Готлиб на примере своего института давал рецепт выхода из положения по наполнению «второй половины дня» всех прочих сотрудников (не занимавшихся подготовкой диссертаций), которые «должны расти, не имея на это ни копейки денег». Замдиректора делился опытом: «Мы, тем не менее, добиваемся, чтобы каждый наш штатный научный сотрудник какую-то работу, обеспечивающую его рост, делал с тем, чтобы он использовал <...> положенные ему 3–4 часа. Мы требуем, чтобы каждый выбрал себе какую-нибудь тему, но предупреждаем что денег он не получит. Он должен заниматься какой-то кабинетной работой, переводами, рефератами и т. д.»¹⁷

В развитие слов А.Д. Готлиба звучало выступление представителя того же института профессора А.Н. Похвиснева, который предлагал заменить в руководящих документах фразу о том, что каждый вузовский работник должен заниматься научно-исследовательской работой, на фразу об обязанности заниматься повышением квалификации; в это он вкладывал разработку литературы, написание доклада, подготовку эксперимента и прочие профессиональные активности¹⁸.

Лейтмотивом абсолютного большинства предложений по интенсификации исследований в вузах была идея снижения педагогической нагрузки преподавателей. Как правило, имелся в виду не полный штат профессорско-преподавательского состава, а те вузовские сотрудники, которые активно вели научную работу; иначе говоря, речь шла о дифференцированном подходе к определению размера учебных

¹⁵ Там же. Л. 9.

¹⁶ Для сравнения: должностной оклад ассистента в это время равнялся 500 рублям.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 2. Д. 593. Л. 6.

¹⁸ Там же. Л. 13.

поручений. «Несмотря на то что эта мера несколько увеличит расходы государства на содержание профессорско-преподавательского состава, — писали в адрес Н.С. Хрущева в начале 1956 г. сотрудники Саратовского университета профессор П.В. Голубков и доцент Б.М. Заморозков, — она экономически оправдана, т[ак] к[ак] интенсификация научной работы в области радиоэлектроники приведет к ликвидации нашего отставания и к быстрому развитию тяжелой и оборонной промышленности»¹⁹.

Власти выражали готовность делать определенные шаги в этом направлении. В том же 1956 г. Министерство высшего образования СССР выпустило инструктивное письмо И-100, позволявшее вузам подходить более индивидуально к распределению нагрузки между преподавателями.

Министерство разрешило по усмотрению и под ответственность заведующего кафедрой и руководителя вуза сокращать лекционную часть дисциплин и практические занятия, в первую очередь на старших курсах, заменяя их самостоятельной работой.

Инструктивное письмо ориентировало вузы «подойти к определению объемов разных видов работ, выполняемых каждым научным работником вуза, конкретно и индивидуально». Руководителю было предоставлено право определить, «на каких видах работы тот или иной преподаватель принесет больше пользы. Одних научных работников в предстоящем учебном году целесообразнее больше использовать на учебной работе, других на научной работе, третьих — на создании учебников и учебных пособий». При этом Министерство предостерегало руководство университетов и институтов от назначения чрезмерно большой учебной нагрузки профессорам и преподавателям, поскольку это «будет отрицательно сказываться на их учебной и научной работе».

В качестве ожидаемого эффекта от внедрения установок, содержащихся в инструктивном письме, министерство видело высвобождение для перспективных в научном отношении преподавателей дополнительного времени для проведения исследовательской работы²⁰.

Однако все организационные сложности, связанные с перераспределением нагрузки, оставались на ответственности самого вуза, и большого распространения эта мера не получила. На это через два года, в 1958 г., указывал секретарь Ленинградского обкома КПСС Г.И. Попов в письме заведующему Отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР Н.Д. Казьмину: «...опыт показал, что уменьшить педагогическую нагрузку преподавателям оказалось возможным в небольшом числе случаев»²¹.

Эффект могли бы иметь более кардинальные меры административного порядка. Например, пересмотр расчетного коэффициента преподавательского состава по числу студентов в сторону уменьшения. Однако, очевидно, по экономическим соображениям более решительные шаги ни министерство, ни профильный отдел ЦК КПСС не инициировали.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 13. Л. 36.

²⁰ Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Инструктивное письмо от 15 сентября 1956 г. № И-100. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19895#wkuRB8U1J6uUdFFS> (дата обращения: 18.05.2024).

²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 32. Л. 70.

При существовавшей нагрузке, которая на практике зачастую превышала объемы, принятые при расчете штатов, по оценкам ученых Московского станкоинструментального института, по состоянию на 1958 г. научно-исследовательская работа могла занимать не более 25% рабочего времени вузовских сотрудников²². К середине 1970-х гг. затраты времени профессорско-преподавательского состава на выполнение бюджетных научно-исследовательских работ оценивались в среднем как 22% от общего рабочего времени [Лапшин, Годионенко, 1975, с. 127].

Таким образом, мы видим зависимость исследовательского сегмента в бюджете рабочего времени преподавателя от бюджета вуза на науку (здесь напрашивается невольная смысловая рифма). При этом, несмотря на призывы и декларации о всемерном наращивании научно-исследовательской составляющей высшей школы, достаточных условий для этого создано не было.

Доля вовлеченных

Неполная вовлеченность профессорско-преподавательского состава в научно-исследовательскую работу была предметом постоянной критики со стороны властных структур, которые в 1930–1940-е гг. настаивали на стопроцентном участии в исследованиях научно-педагогических сотрудников кафедр, ссылаясь на принципы штатно-окладной системы. «Директоры высших учебных заведений нарушают постановление Правительства и не обеспечивают вовлечение всех профессоров и преподавателей в научно-исследовательскую деятельность вузов», — категорично говорилось в записке министра государственного контроля СССР Л.З. Мехлиса в адрес бюро Совмина СССР в 1947 г.²³

Оценка степени (не)вовлеченности преподавателей вузов в научную деятельность довольно серьезно различалась с течением времени, к тому же имела отраслевую, региональную, должностную, возрастную и прочую специфику.

Председатель ВКВШ С.В. Кафтанов в речи на Всесоюзном совещании работников высшей школы 3 мая 1938 г. приводил такие цифры: «Иногда 15%, а по отдельным институтам и до 40% научных работников не ведет научно-исследовательской работы»²⁴.

По данным акта проверки, участие в госбюджетных научно-исследовательских работах в 1946 г. в разных вузах принимало от 10 до 70% профессорско-преподавательского состава²⁵. Давая пояснения результатов проверки, начальник Отдела научно-исследовательских работ Министерства высшего образования СССР К.Ф. Жигач вносил такие уточнения: исследовательской работой охвачены 70–95% профессоров, 50–90% доцентов, 35–60% ассистентов²⁶.

В вышеупомянутой записке министра государственного контроля Л.З. Мехлиса (1947) приведены следующие сведения. В 92 проверенных вузах в научно-исследовательской работе, финансируемой из госбюджета, принимали участие 64% штатных

²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 84. Л. 93.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 543. Л. 132.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 17. Д. 19. Л. 47.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 26. Д. 54. Л. 7.

²⁶ Там же. С. 23.

преподавателей. Более слабо в научно-исследовательскую работу были вовлечены молодые преподаватели: из них исследованиями занимались 51%. Если учитывать категории вузов, то доля вовлеченных в НИР выглядела следующим образом: сельскохозяйственные вузы — 67%, индустриальные и политехнические институты — 50,2%, горно-металлургические институты — 47,1% вовлеченных. В качестве примеров наиболее отстающих в этом отношении вузов были приведены Днепропетровский горный институт — 19,9%, Московский нефтяной институт — 21,2%.

Как видно по записке Л.З. Мехлиса и по другим источникам, охват научными исследованиями серьезно зависел от отраслевой принадлежности вуза. В этом отношении более ориентированными на научную деятельность оказывались университеты. По данным на 1954 г., из 11 582 чел. профессорско-преподавательского состава в научно-исследовательской работе в университетах принимали участие 9 451 чел. (то есть более 81%), которые выполнили 6 641 работу²⁷.

Помимо вышесказанного, в записке Л.З. Мехлиса подчеркивалось, что хуже дела с НИР обстояли у преподавателей-совместителей. В 92 проверенных вузах наукой занимались только 34,5% сотрудников такой категории²⁸.

Относительно проблемы совместительства администраторы от науки в контексте рассматриваемой проблемы высказывались довольно часто.

В вышеупомянутом письме Э.Я. Кольмана Сталину (1936) категорически заявлялось, что «по линии преподавания — совместительство является злейшим бичом научно-исследовательской работы»²⁹. По состоянию на 1947 г. доля профессорско-преподавательского состава вузов, находившихся в ведении Министерства высшего образования, работавших по совместительству, оценивалась Министерством государственного контроля СССР свыше 25%³⁰. При этом особо подчеркивался феномен «незаконного совместительства» научных работников, которые, не выполняя основной работы в одном вузе, параллельно вели работу в двух-трех других вузах³¹.

Более гибкий взгляд на совместительство, относящийся к тому же 1947 г., встречаем у начальника Главного управления университетов Министерства высшего образования Н.А. Фигуровского. Он отмечал, что наряду с педагогическим совместительством многие профессора совмещают работу в вузе с работой в научных учреждениях, в промышленности и в советских учреждениях, занимая административные должности. Такое совместительство, по мнению Н.А. Фигуровского, «является вполне закономерным и не может преследоваться». Более того, начальник управления полагал, что преподаватели, совмещающие педагогическую работу с работой в научном учреждении или промышленности, «получают часто весьма много для правильного направления исследований на своей кафедре» (имелись в виду новые идеи). Поэтому Н.А. Фигуровский предлагал даже «найти меры поощрения к такому совместительству»³².

²⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 13. Л. 37.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 543. Л. 132–133.

²⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 144. Л. 29.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 26. Д. 54. Л. 4.

³¹ Там же. Л. 10.

³² Там же. Л. 36–37.

Близкая к изложенной позиция будет звучать и позднее, когда с развитием вечернего и заочного высшего образования соответствующие вузы столкнутся с объективными ограничениями для занятий научно-исследовательской деятельностью и будут искать выход именно в совместительстве.

Так, декан металлургического факультета Ленинградского заочного промышленного института доцент М.И. Корюков писал Хрущеву (1955), что заочные вузы не располагают своими лабораториями, а сотрудники таких вузов не имеют возможности заниматься наукой на рабочем месте. «Было бы целесообразно, — отмечал декан, — включить профессорско-преподавательский состав специальных кафедр в работу научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и заводов по специальности для разрешения проблем в области развития новой техники». М.И. Корюков полагал, что профессорско-преподавательский состав заочных и вечерних вузов, проводящий учебные занятия в вечернее время, мог бы быть использован в дневное время не менее двух дней в неделю на работе в промышленности за счет выполнения нагрузки «второй половины дня», что к тому же не потребует дополнительной платы за счет предприятий, так как оплата «второй половины» уже включена в зарплату по институту³³.

Возвращаясь к теме вовлеченности, отметим, что в послесталинский период председатель Совмина СССР Н.А. Булганин давал (1955) более жесткую оценку; по его утверждению, «едва ли пятая часть профессоров и преподавателей наших вузов принимает участие в выполнении научно-исследовательских работ для народного хозяйства»³⁴. Очевидное расхождение данных Н.А. Булганина в сравнении с теми, которые звучали в 1940-х гг., вероятно, объясняется тем, что в его цифры были включены не все преподаватели, которые вели научную работу, а лишь те, чья работа была непосредственно связана с экономикой и производством.

Применительно к более поздним десятилетиям — 1960–1980-м гг. — встречаются указания на невовлеченность в исследования 15–30% вузовских преподавателей [Порозов, 2021, с. 49; Калягин, 1991, с. 15].

Очевидно, в наименьшей степени в систематическую научно-исследовательскую деятельность были вовлечены преподаватели общественных наук, особенно в провинциальных вузах. В силу исключительной политизированности этой отрасли знания сотрудники соответствующих кафедр были скорее погружены в идеологическую, а не в научную работу. Но были и иные примеры, связанные с участием ученых кафедр общественных наук в разработке социально-экономических проблем страны и ее регионов, проведением социологических исследований.

Таким образом, стремясь оценить долю преподавателей, вовлеченных в научно-исследовательскую работу, мы сталкиваемся с довольно заметным разбросом данных.

Рефлексия относительно проблемы вовлечения в науку

Причины неполной вовлеченности профессорско-преподавательского состава в научно-исследовательскую деятельность можно искать в различных плоскостях.

³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 13. Л. 116–117.

³⁴ Там же. Л. 116.

Весьма трезвый взгляд на этот вопрос транслировал упомянутый начальник Главного управления университетов МВО Н.А. Фигуровский. Рассуждая в 1947 г. о той установке, что все работающие в университете ученые обязаны вести научную работу, он подмечал, что «нельзя это общее и абсолютно правильное положение превращать в абсурд. В каждом университете есть люди, которые вообще непригодны для научной работы, они не имеют ни школы, ни подготовки. Это преподаватели иностранных языков, физкультуры и военных предметов. Требовать от них научную работу совершенно бессмысленно — большинство не имеет даже высшего образования. Кроме этой категории, в университетах имеются прекрасные педагоги, но ни в какой степени не исследователи. Т[аким] о[бразом], 100%-ный охват не только не характеризует высокого состояния научной работы, наоборот, весьма часто подозрителен с точки зрения правильной организации научной работы»³⁵.

В схожем ключе рассуждал и начальник Отдела научно-исследовательских работ Министерства высшего образования СССР К.Ф. Жигач (1947), который декларировал, что оценка качества научной работы вуза «ни в коей мере не определяется процентом охвата НИР», так как наряду с крупными, важными для науки и народного хозяйства темами отдельными научными работниками могут «проводиться мелкие темы учебно-методического характера», такие работы входят в тематический план наряду с крупными и определяют процент участия преподавателей в научно-исследовательской работе. К.Ф. Жигач же заявлял, что «важнейшей задачей, стоящей перед МВО, является не столько повышение охвата НИР профессорско-преподавательских кадров вообще, сколько повышение процента профессорско-преподавательских кадров, ведущих крупные, имеющие важное народно-хозяйственное значение, НИР»³⁶.

Одновременно с этим имела место вышеупомянутая разница в понимании вопроса о научной работе в вузе госорганами, которые исходили из того, что оплата этой работы заложена в должностных окладах преподавателей, и рядовыми сотрудниками. Так, профессор МВТУ им. Баумана А.Н. Шелест в том же 1947 г. писал, что работа, выполняемая по госбюджету, «проводится без добавочного вознаграждения сотрудников и поэтому получается как бы дополнительной нагрузкой к его академической нагрузке»³⁷. Государство же вовсе не считало такую работу «дополнительной нагрузкой».

Выше уже шла речь о большой учебной нагрузке, общественных поручениях и обширном делопроизводстве как о факторах, снижавших научную активность. В числе иных причин, которые встречаются в документальных источниках, можно указать еще несколько, причем довольно противоречивых. Это, с одной стороны, избегание научной работы вследствие нежелания брать на себя ответственность за ее результаты; с другой — тот факт, что вузам не поручались крупные научные исследования, что демотивировало научно-педагогических работников; аналогичный негативный эффект оказывали и сложности с внедрением в практику научных достижений. В частности, ссылка на такие факторы содержится в обращении заведующего кафедрой жидкостных реактивных двигателей МВТУ им. Н.Э. Баумана

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-8300. Оп. 26. Д. 54. Л. 38.

³⁶ Там же. Л. 24–25.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 543. Л. 147.

М.А. Попова к заведующему Отделом науки и культуры ЦК КПСС А.М. Румянцеву в 1955 г.³⁸

Впрочем, проблемные обстоятельства, указываемые М.А. Поповым, носили скорее объективный характер. Заинтересованный в исследовательской работе вузовский преподаватель, как правило, действовал в одиночку или в составе малой группы, которую удалось создать в стенах кафедры. Это вынужденно ограничивало масштаб исследований небольшими темами. В результате критически оценивавшие феномен вузовской науки специалисты могли не без основания констатировать, что исследовательская работа в высших учебных заведениях имела основной целью не самостоятельный вклад в научно-технический прогресс, а лишь содействие успешности учебного процесса [Лахтин, 1990, с. 72].

Заключение

Рецепция гумбольдтовских идей российской высшей школой XIX в. дала свои плоды и в XX столетии, когда после череды революционных перипетий принцип единства исследования и преподавания снова стал приниматься за университетскую норму. При этом специфика вузовской модели, сложившейся в советское время, отводила высшей школе далеко не первое место в научном мире, оставляя ее в тени Академии наук и отраслевых НИИ. Из этих обстоятельств вытекала вся совокупность менявшихся нарративов вокруг темы вузовской науки и проблемы вовлечения профессорско-преподавательского состава в научно-исследовательскую деятельность.

Анализ динамики перемен в отношении этого вопроса показывает волнообразную трансформацию: от значительного редуцирования в первые послереволюционные десятилетия, через тотальность установок на обязательность научной деятельности, характеризующих 1930–1940-е гг., к более гибкому, взвешенному подходу начиная с 1950–1960-х гг.

Причем любопытно, что разрабатываемые с конца 1950-х гг. подходы и механизмы по оптимизации научной деятельности в вузе — в частности элементы индивидуализации, практика сокращения учебной нагрузки преподавателей, активно работающих в науке, — созвучны идеям XXI в.

Источники

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5446 (Совет Министров СССР). Оп. 24. Д. 3335.

ГА РФ. Ф. Р-8080 (Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР). Оп. 1. Д. 544.

ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 2. Д. 593, 595.

ГА РФ. Ф. Р-8080. Оп. 17. Д. 19.

ГА РФ. Ф. Р-8300 (Министерство государственного контроля СССР). Оп. 26. Д. 54.

ГА РФ. Ф. Р-9396 (Министерство высшего образования СССР). Оп. 9. Д. 3.

³⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 529. Л. 121–122.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3 (Политбюро ЦК КПСС). Оп. 33. Д. 144.

РГАНИ. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). Оп. 17. Д. 529.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 13, 84.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 32.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный комитет КПСС). Оп. 60. Д. 738.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 543.

Ленинградский университет. 1933. 19 сентября.

Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Инструктивное письмо от 15 сентября 1956 г. № И-100. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19895#wkuRB8U1J6uUdFFS> (дата обращения: 18.05.2024).

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов за 50 лет: В 5 т. Т. 2: 1929–1940 гг. М.: Политиздат, 1967. С. 588–599.

Литература

Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А. Рабочее время и ролевые напряжения сотрудников современного российского университета // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 88–111.

Груздев И.А., Терентьев Е.А. Формализованное интервью о бюджете рабочего времени преподавателей и научных сотрудников: опыт методической рефлексии // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2015. № 40. С. 32–58.

Калягин А.В. Развитие вузовской науки в Среднем Поволжье. 1981–1985 гг. (на материалах партийных и общественных организаций Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областей): Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.01. Самара, 1991. 16 с.

Кудаев М.М. Проблемы нормирования научно-исследовательского труда профессорско-преподавательского состава // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2020. Т. 17. № 2 (110). С. 85–92. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-2-85-92.

Лапшин А.В., Годиионенко В.И. Опыт изучения трудовой деятельности научно-педагогических работников вуза // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 1973. Вып. V. С. 189–195.

Лапшин А.В., Годиионенко В.И. Структура и объем годовой нагрузки преподавателей вузов // Экономика, организация и планирование высшего образования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1975. С. 125–130.

Лахтин Г.А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. 224 с.

Лобова С.В. Прекаризация занятости научно-педагогических работников вузов: содержание и последствия // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2019. № 6. С. 243–259.

Наука большой страны: советский опыт управления / Под ред. Е.А. Долговой. М.: ИЦ РГГУ, 2023. 625 с.

Порозов В.А. Интеллигенция и научно-технический прогресс в условиях российской провинции на рубеже 1950–1960-х гг. (по материалам Западного Урала — Пермской области и Удмуртской АССР) // Интеллигенция и мир. 2021. № 2. С. 28–50. DOI: 10.46725/IW.2021.2.2.

Фомин В.Г. Бюджет времени научного работника. Новосибирск: Наука, 1967. 116 с.

Шляков Ю.В. Проблема сочетания преподавательской и исследовательской деятельности: возможные пути решения в российских вузах // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21. № 3–4. С. 214–222. DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-214-222.

Шпикельман Р.Ю. Научно-исследовательская деятельность сотрудников Иркутского государственного университета в восстановительный период (1946–1950) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. Иркутск: Байкальский гос. ун-т, 2016. С. 386–394.

The “Second Half of the Working Day”: the Problem of Participation of Soviet Universities Lecturers in Research Activities

MIKHAIL V. GRIBOVSKIY

National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia;
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia;
e-mail: mgrib@mail2000.ru

The specificity of the Soviet scientific and educational model was that higher educational institutions were primarily assigned the role of generating personnel, and conducting scientific research was understood as a low priority. At the same time, assistants, associate professors, and professors were systematically required to demonstrate scientific achievements. This attitude took shape in the mid 1930s and will remain unchanged throughout the Soviet period. The article, based on both regulatory documentation and materials extracted from archives (State Archive of the Russian Federation, Russian State Archive of Contemporary History, Russian State Archive of Social and Political History), characterizes the conditions for scientific activity of university teaching staff in Soviet times, from the point of view of incentives and barriers to doing science at a university.

The author provides assessments of representatives of the party, Soviet governing bodies and the university community about the organization of scientific work, about the level of involvement of professors and lecturers in it. The article shows the wave-like transformation of approaches to university science: from a significant reduction in the first post-revolutionary decades, through the totality of attitudes towards mandatory scientific activity that characterized the 1930s–1940s, to a more flexible, balanced approach, starting from the 1950s–1960s.

The author’s interpretation of the existing university model and its connection with the modern Russian university is proposed. It has been established that approaches and mechanisms for optimizing scientific activity at a university, developed since the late 1950s (elements of individualization, the practice of reducing the teaching load of teachers actively working in science) are consonant with the ideas of the 21st century.

Keywords: higher education institutions, university, professor, research activities, department, laboratory, research institute.

References

Abramov, R.N., Gruzdev, I.A., Terent’ev, E.A. (2017). Rabocheye vremya i rolevyye napyazheniya sotrudnikov sovremennogo rossiyskogo universiteta [Working time and role strains of research and teaching staff in a modern Russian university], *Voprosy obrazovaniya*, no. 1, 88–111 (in Russian).

Fomin, V.G. (1967). *Byudzhety vremeni nauchnogo rabotnika* [Researcher time budget], Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF), f. R-5446 (Sovet Ministrov SSSR), op. 24, d. 3335 (in Russian).

GA RF, f. R-8080 (Vsesoyuznyy komitet po delam vysshey shkoly pri sovete narodnykh komissarov SSSR), op. 1, d. 544 (in Russian).

GA RF, f. R-8080, op. 2, d. 593, 595 (in Russian).

GA RF, f. R-8080, op. 17, d. 19 (in Russian).

GA RF, f. R-8300 (Ministerstvo gosudarstvennogo kontrolya SSSR), op. 26, d. 54 (in Russian).

GA RF, f. R-9396 (Ministerstvo vysshego obrazovaniya SSSR), op. 9, d. 3 (in Russian).

Gruzdev, I.A., Terent'ev, E.A. (2015). Formalizovannoye interv'yuy o byudzhete rabochego vremeni prepodavateley i nauchnykh sotrudnikov: opyt metodicheskoy refleksii [A use of standardized interview in a work time budget research: a methodical reflection on the example of the faculty and researchers survey], *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye*, no. 40, 32–58 (in Russian).

Dolgova, E.A. (Ed.) (2023). *Nauka bol'shoy strany: sovetskiy opyt upravleniya* [Science of a big country: Soviet management experience], Moskva: ITs RGGU (in Russian).

Kalyagin, A.V. (1991). *Razvitiye vuzovskoy nauki v Srednem Povolzh'ye. 1981–1985 gg. (na materialakh partiynykh i obshchestvennykh organizatsiy Kuibyshevskoy, Penzenskoy i Ul'yanovskoy oblastey)* [Development of university science in the Middle Volga region. 1981–1985 (based on materials from party and public organizations of the Kuibyshev, Penza and Ulyanovsk regions)], Avtoref. dis. ... kand. istor. nauk, Samara: (in Russian).

Kudaev, M.M. (2020). Problemy normirovaniya nauchno-issledovatel'skogo truda professor-sko-prepodavatel'skogo sostava [Research work rating for the faculty], *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*, 17 (2 (110)), 85–92 (in Russian). DOI: 10.21686/2413-2829-2020-2-85-92.

Lakhtin, G.A. (1990). *Organizatsiya sovetskoy nauki: istoriya i sovremennost'* [Organization of Soviet science: history and modernity], Moskva: Nauka (in Russian).

Lapshin, A.V., Godionenko, V.I. (1973). Opyt izucheniya trudovoy deyatel'nosti nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov vuza [Experience in studying the work activities of university research and teaching staff], in *Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kolektivov*, iss. 5, 189–195 (in Russian).

Lapshin, A.V., Godionenko, V.I. (1975). Struktura i ob'yem godovoy nagruzki prepodavateley vuzov [Structure and volume of the annual workload of university teachers], in *Ekonomika, organizatsiya i planirovaniye vysshego obrazovaniya* [Economics, organization and planning of higher education] (pp. 125–130), Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta (in Russian).

Leningradskiy universitet (1933), 19 sentyabrya (in Russian).

Lobova, S.V. (2019). Prekarizatsiya zanyatosti nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov vuzov: sodержaniye i posledstviya [Precarious work of scientific and pedagogical workers: contents and consequences], *Ekonomicheskoye razvitiye regiona: upravleniye, innovatsii, podgotovka kadrov*, no. 6, 243–259 (in Russian).

Ministerstvo vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniya SSSR. Instruktivnoe pis'mo ot 15 sentyabrya 1956 g. no. I-100. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc> (date accessed: 18.05.2024) (in Russian).

Porozov, V.A. (2021). Intelligentsiya i nauchno-tehnicheskii progress v usloviyakh rossiyskoy provintsi na rubezhe 1950–1960-kh gg. (po materialam Zapadnogo Urala — Permskoy oblasti i Udmurtskoy ASSR) [Intelligentsia and scientific and technological progress in the conditions of the Russian province at the turn of the 1950–1960s (based on materials from the Western Urals — Perm region and Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)], *Intelligentsiya i mir*, no. 2, 28–50 (in Russian). DOI: 10.46725/IW.2021.2.2.

Postanovleniye (1967) SNK i TSK VKP(b) ot 23 iyunya 1936 g. “O rabote vysshikh uchebnykh zavedeniy i o rukovodstve vysshey shkoly” [Resolution of the Council of People's Commissars and

the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of June 23, 1936 “On the work of higher educational institutions and on the management of higher education”], in *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: Sbornik dokumentov za 50 let. V 5 t.* [Decisions of the party and government on economic issues: Collection of documents for 50 years: In 5 vols.], t. 2: 1929–1940 gg. (pp. 588–599), Moskva: Politizdat (in Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI), f. 3 (Politbyuro TsK KPSS), op. 33, d. 144 (in Russian).

RGANI, f. 5 (Apparat TSK KPSS), op. 17, d. 529 (in Russian).

RGANI, f. 5, op. 35, d. 13, 84 (in Russian).

RGANI, f. 5, op. 37, d. 32 (in Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI), f. 17 (Tsentral'nyy komitet KPSS), op. 60, d. 738 (in Russian).

RGASPI, f. 17, op. 125, d. 543 (in Russian).

Shlyakov, Yu.V. (2019). Problema sochetaniya prepodavatel'skoy i issledovatel'skoy deyatelnosti: vozmozhnyye puti resheniya v rossiyskikh vuzakh [The problem of combining teaching and research activities: possible solutions in Russian universities], *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 21 (3–4), 214–222 (in Russian). DOI: 10.30936/1606-951X-2019-21-3/4-214-222.

Shpikel'man, R.Yu. (2016). Nauchno-issledovatel'skaya deyatelnost' sotrudnikov Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta v vosstanovitel'nyy period (1946–1950) [Research staff of the Irkutsk state university in the rehabilitation nulyately period (1946–1950)], in *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik* [Irkutsk historical and economic yearbook] (pp. 386–394), Irkutsk: Baikal'skiy gos. un-t (in Russian).